
СЛЕПЕНЬ
Павел Девяшин
Лондон, 1853.
Есть работа, условия и сумма
18+

Павел Девяшин
Слепень

https://litres.ru/74897743
SelfPub; 2026

Аннотация

Лондон, 1853-й. Туман пахнет рыбой, углём и порохом.

Есть работа, условия и сумма. Остальное не его дело.

В Лондоне его зовут Слепень. Бывший агент Третьего отделения, он убивает за деньги. Семнадцать лет ни одной осечки. Пока в цирковом сундуке не находят человека, который ему доверял. Два удара в сердце, треугольное сечение клинка, ничего не тронуто, ничего не взято. Он знает эту работу. Так работает он сам.

Новый заказ — член парламента Джон Брайт. Чтобы подобраться к нему, придётся стать своим среди русских подпольщиков: не прийти, убить и уйти — а остаться. И жить.

Думал — игрок.

Оказалось — фигура.

Содержание

Глава первая 5
Глава вторая 12
Глава третья 21
Глава четвёртая 28
Глава пятая 35
Глава шестая 42
Глава седьмая 51
Глава восьмая 57
Конец ознакомительного фрагмента. 59

Павел Девяшин
Слепень

Глава первая

ФАСЕТЧАТЫЙ ГЛАЗ

— Синьор Беллини… — фраза повисла в комнате облачком дорогого парфюма.

Слепень недовольно поморщился. Прозвучало непохоже. Слишком мягко. При жизни Беллини говорил с вызовом. Каждый звук из напомаженного рта кричал о гоноре больше, чем о таланте.

Он посмотрел в лицо жертвы — как в гимназическую шпаргалку. Будто покойник мог подсказать интонацию.

Знаменитый художник раскинул руки, ноги чуть согнуты в коленях. Казалось, бедняга собрался танцевать, да так и застыл. На ориентальном ковре подсыхала лужа крови, в ворсе — кусочки мозга. Слепень равнодушно отметил: следы можно не убирать, всё равно до полудня не хватятся.

— Натуральная икебана, — оценив композицию, он отступил на шаг.

Не хватало ещё изгадить туфли. Лучше б сломал несчастному шею. Кочергой по темечку — не благостно, хоть и надёжно.

На каминной полке зашипела свеча. К потолку взметнулся дым.

Убийца снял пиджак и щёлкнул крышкой карманных часов. Три по полуночи. Отель «Парламент» (интересно, сколько таких в Лондоне?) спал. Спал и портье — любитель халявной выпивки. Даже если её предлагает ночной гость и от виски подозрительно пахнет… опием.

Торопиться некуда. Можно спокойно работать.

Он отворил платяной шкаф. Сюртуки — один другого роскошнее. Неаполитанский гроденапль. Слепень провёл пальцем по ткани.

На губах заиграла усмешка. Номер — дрянь. Бельэтаж с выцветшими обоями и трещиной на лепнине. Великий живописец рядился как граф, а спал на продавленной софе.

Важная деталь для завтрашнего утра. Надо запомнить.

Как и следовало ожидать, ни один сюртук не подошёл. Слепень повёл плечами, слушая, как трещат нитки. Нет времени шить на заказ.

Пальцы поскребли подбородок.

А что, если ссутулиться? Все обратят внимание на нескладную фигуру. На идиотскую походку, которую он срисовал у итальянца ещё на вокзале. Беллини всегда хотел быть в центре внимания. Слепень — никогда.

Чего-то не хватает. Мелочи, пустяка.

Наклонившись, он стянул с покойника шейный бант. Невесомая ткань долго не желала затягиваться. Так? Нет.

Этак носят на плацу. Расслабил. Получилось небрежно и воздушно. По-женски. То, что надо.

Сквозняк швырнул в лицо запахи: фиксатив, табак, прогорклая сельдь. Слепень наморщил нос. Запах как в морге.

Унёс трюмо в спальню, распахнул окно.

С той стороны зеркала глядел почти незнакомый человек. Уже не он, но ещё не тот, кем предстояло стать.

Он был красив — без вычурности, без перебора. Не сахар-медок, а сибирское яблоко — и свежее, и благороднее. Сей дар оставался при нём даже в эмиграции.

Зелёные глаза, кинжальный блеск в зрачках. Свет канделябра серебрил нити в волосах и бородке. Сбрей её да притуши огоньки во взгляде — вуаля! — перед вами заурядный мужчина средних лет. В его ремесле это ценнее красоты.

Красота — маска. А под ней — фасетчатый глаз, сложенный из сотни чужих взглядов. Слепень умел смотреть глазами заказчика, наёмного убийцы и, что важнее всего, жертвы.

Её и предстояло сыграть.

— Бонжорно, синьор Арсентьев, — произнёс он, пробуя акцент. Вышло неуклюже: не тосканское грассирование, а какая-то петербургская картавость. Он повторил снова, потом ещё. Десятый раз? Двадцатый? Пока не свело губы.

«Синьор, синьор, синьор».

Ей-богу, говорит как младенец.

Слепень поиграл желваками. Его учитель — покойный граф Бенкендорф — любил повторять: «Ошибки унизитель-

ны, когда речь идёт о танцах или арифметике. В вашей профессии, юноша, они смертельны».

Хорошо. Несоответствие внешности скроет сутулость. А произношение… Он картинно взмахнул рукой. Надо бы чуть экспрессивнее и на выходе вывернуть кисть. Да, так будет в самый раз. Пусть жесты говорят за него.

Как же раздражал этот Беллини, когда третьего дня в респектабельной ресторации заказывал фаршированных судачков. Слепень сидел по соседству, впитывая каждый жест.

Как можно столь пренебрежительно хлопать официанта по плечу? Плескать на скатерть вино и улыбаться так, будто с завтрашнего дня королевским эдиктом введут повинность вечной грусти и тоски?

На письменном столе белел конверт. Сургуч разломлен, надорванный край щеголяет зазубринами. Зубами он его, что ли, рвал? Рядом — листок с монограммой «Arsentiev&Co., Lambeth». Почерк с наклоном вправо, буквы словно маршируют.

«Мистер Беллини, жду вас завтра в десять утра для сеанса. Д. А.».

Д. А. — Дмитрий Арсентьев.

Слепень приподнял бровь.

Перед мысленным взором возник сосновый бор, река, усадьба. Там, в Кургане, тринадцать лет назад, он знал одного Арсентьева — помещика, который слишком вольно трактовал крепостное право и без меры любил фехтование. Тот

Арсентьев лёг в фамильный склеп в сентябре 1840 года. Слепень получил за него триста целковых и две седмицы на водах.

Теперь новый Арсентьев. Английский фабрикант, из выкрестов.

Он провёл ладонью по русым волосам. Перешагнув через труп, вернулся к мольберту.

С наброска глядел Арсентьев. Черновой портрет, выполненный углём. Квадратная челюсть, один глаз полузакрыт, грушевидный нос. Человек, привыкший повелевать. Слепень машинально отметил: бить надо в висок, с левой стороны. Правая всегда отвёрнута из-за травмы века.

Набросок перекочевал в карман. Чертыхнувшись, Слепень вынул его и переложил в сюртук. Завтра он отправится в наряде Беллини.

Осталась самая малость.

Из скрытых ножен на пояснице выпорхнула кривая, как ятаган, наваха и двумя быстрыми ударами рассекла лицо покойника. Крест-накрест. Слепень действовал с нарочитым спокойствием, с каким уничтожают ненужный документ.

Полиция станет гадать, кто перед ними. Художник или его неизвестная жертва. Коль повезёт, искать станут первого.

Перед тем как расправить постель, он отлил из склянки духи итальянца, разбавил уксусом. Поработал эластичной помпой-грушей. Трупный дух воцарится в номере через сутки — дольше и не требуется. Утром он будет в кабинете про-

мышленника.

Тук-тук-тук.

Чёрт! Он что, не запер дверь?

На пороге переминалась горничная — тщедушная дама в крахмальном чепце и с заспанным лицом. Спросила, зевая в кулак:

— Monsieur veut-il du thé?[1]

Слепень ссутулился. Губы расползлись, демонстрируя жемчужную нить зубов (совершенно итальянская придурь).

— Grazie, signorina, no. Vado a dormire.[2]

Акцент удался на славу. Горловое «r», выдох на «dormire». Ну чистый Беллини.

«У вас всё равно, поди, чай с сахаром», — подумал он. Излишняя роскошь. Как в чае, так и в жизни.

Девушка равнодушно удалилась. По коридору застучали башмачки.

Слепень накинул засов.

Сердце предательски билось в груди. Как можно допустить такую оплошность? Надо подышать.

Он стянул с вешалки плащ с пелериной, вышел на балкон. Туман пах рыбой, печным дымом и Темзой. Закутавшись, облокотился на перила. Ни дать ни взять летучая мышь.

Черноту неба прорезала полоска цвета ружейной стали. Через три часа он будет у промышленника.

---

[1] Месье, не желаете ли чаю? (фр.)

[2] Спасибо, синьорина, нет. Иду спать. (ит.)

«Buongiorno, signore. Я рисовать ваша милость».[3]

Слепень выставил на обозрение все тридцать два зуба. Нет, ну совершенно идиотская улыбка.

«Завтра, Дмитрий Арсентьев, я убью тебя снова», — сказал он по-русски и галантно поклонился туману.

Этого не видел никто. Ни ночь, ни звёзды, ни часовая башня Эдварда Дента, которая лишь к 1859 году получит имя «Биг-Бен».

Вернувшись в номер, он погасил лампу.

[3] Доброе утро, синьор. (ит.)

Глава вторая

ЧУЖОЙ ПОРТРЕТ

Капля охры повисла на ворсе кисти и, качнувшись, шлёпнулась на манжету. Пятно расползалось, впитываясь в ткань. Слепень знал: сорочку уже не отстирать. Впрочем, не всё ли равно? От вещей Беллини в любом случае придётся избавиться.

Воротник итальянского фрака впивался в шею с настойчивостью кредитора. Слепень повёл плечами. Он сидел на табурете перед мольбертом, вытянув спину. Чувствовал, как немеют пальцы, сжимающие кисть. Как бьётся сердце. Не от искусства, нет. От сдерживаемого нетерпения. Каждая секунда отдавалась в висок. Слепень косился на окно: солнце ползло по небу. Он прикинул время до проезда кареты. Придётся ещё немного побыть в образе.

Чужая одежда натирала, казалась неудобным футляром, и единственное, чего он ждал, — это когда за окном, наконец, громыхнут колёса по булыжнику.

Когда он вошёл в кабинет Арсентьева, то первым делом метнул взгляд на каминные часы — изящную фарфоровую

безделушку с маятником в виде золотой рыбки. Стрелка показывала минуту одиннадцатого. Карета должна была быть здесь ровно через час. Целая вечность. Придётся вступить с промышленником в беседу.

— Синьор Беллини, вы чрезвычайно задумчивы, — участливо промолвил Арсентьев. — В Венеции, верно, все художники неспешны и похвально сосредоточены на деле?

Слепень поклонился, растягивая губы в той идиотской, паскудной улыбке, что он перенял у покойного.

— Синьор, la luce сегодня играет, — он изящно вывернул ладонь. — Я ищу ваш нос. Он не поддаётся. Угол переносицы всё время от меня ускользает.

— Мой нос? — старик наклонил голову.

— Вы заказчик, синьор. Вам важен результат, — Слепень провёл кистью в воздухе, рисуя невидимую линию. — И я обязан его обеспечить. И потом, вы — русский. А русские носы, как бы это сказать, скучны. У вас на родине говорят: «Картофельный клубень».

— Нет-нет, у нас говорят: «нос картошкой».

Арсентьев засмеялся. Смех был сухой, как шелест ассигнаций. Но его глаза — льдистые, колючие — скользнули с холста на руки Слепня. Задержались на запястьях. Крепких, жилистых.

— Не хотите ли чаю, синьор? — спросил Арсентьев внезапно, и в голосе его проскользнула лёгкая тревога. — Моя экономка заваривает превосходный «Эрл Грей». С бергамо-

том. В ваших палестинах такой не сыщешь.

— Чай, синьор, пьют в Лондоне, — Слепень позволил себе короткую усмешку, пряча досаду за показным артистизмом. — В Венеции предпочитают кофе.

— Вот как, — старик приподнял бровь. — Вы, я смотрю, патриот. Весьма похвально-с. А я-то думал, все итальянцы — апатриды от коммерции.

Слепень сделал вид, будто вымеряет пропорции лица.

— Скажите, синьор, — Арсентьев откинулся в кресле, откровенно разглядывая художника, — в Академии живописи до сих пор требуют рисовать с натуры обнажённых?

Слепень на секунду замер.

— …Разумеется, — выдавил он, чувствуя, как в горле пересохло от этой внезапной ловушки. — Основа основ.

— Странно. — Голос старика стал маслянистым, почти сочувственным. — На прошлой неделе вы писали мою жену. Она пришла в неописуемый восторг! Однако досадовала, мол, терпеть не можете «живую плоть» и отказались писать с натуры.

В груди похолодело. Слепень почувствовал, как в ней разгорается ярость. Старый пёс проверяет его. Пальцы сжали кисть так, что костяшки побелели.

— Ваша супруга, и впрямь, прекрасна, — он заставил себя улыбнуться шире, до боли в скулах. — Сейчас я скажу вам то, что не осмелился бы ответить мадам. Беллини страшится быть свидетелем дамской красоты. От этого вечные

проблемы с мужьями. Если вы только понимаете, о чём я?

— О, тут вы правы, — Арсентьев махнул рукой, но в глазах мелькнуло что-то вроде удовлетворения. — Моя супруга — женщина не в меру пылкая. С ней и впрямь лучше воздержаться от подобных эскапад.

— Синьор, ваш покорный слуга — великий плут, — нашёлся Слепень, заставляя голос звучать игриво и беззаботно. — В Академии мы, разумеется, пишем обнажённых. Но сейчас я работаю над вашим портретом. И вы, слава Богу, одеты.

— Слава Богу, — рассмеялся Арсентьев. — Мне уже шестьдесят два, синьор. Моё обнажённое тело — это портрет конца света. Вы бы удавились, рисуя его.

С минуту оба хранили молчание.

— Я всегда полагал, что у художников тонкие руки, — Арсентьев кивнул на жилистые запястья Слепня. — Как у пианиста. — Он помолчал. — А у вас… вы, верно, забивали телят в молодости, синьор?

Художник молча поднял голову над мольбертом. Арсентьев улыбнулся.

— Я шучу, — сказал он. — Художники часто работают руками. Это укрепляет пальцы.

— Си, синьор. Укрепляет, — эхом отозвался Слепень. Он поставил кисть на палитру и медленно, очень медленно выдохнул. — Вы не поворачивайтесь, прошу. Глаз уедет.

Старик замер, но взгляд его остался цепким. Он смотрел

не на холст, где грубо вырисовывалась его квадратная челюсть, а на лицо посетителя. На слишком узкий наряд, на холодный, почти змеиный взгляд.

— А скажите, синьор, — Арсентьев заговорил снова, и голос его был теперь мягок, как мох, скрывающий капкан, — в Венеции говорят, вы славитесь своими церковными фресками. Вы писали мозаику?

Слепень мысленно выругался.

— Писал.

— И какая у неё была аура? — старик подался вперёд. — Светлая? Скорбная? Или… — он сделал паузу, — или такая, как у вас сейчас?

В кабинете промышленника повисла тишина. Слепень чувствовал, как маятник часов бьёт по нервам.

Он молчал. Застыл, держа кисть на весу. Старик смотрел на него, ожидая ответа. Во взгляде проступило понимание — медленное, вязкое, как чернила, просачивающиеся сквозь бумагу. Он видел грубую, солдатскую посадку головы, чуждую артистической расслабленности художника-итальянца. От него не укрылось внимание, с которым гость повернулся к часам.

«Пора», — пронеслось в голове Слепня. Старик оказался умнее и наблюдательней, чем он рассчитывал. Он на грани — сейчас возьмётся за колокольчик, позовёт секретаря, и убогий, наспех сшитый план рухнет в прах. Карета, чёрт бы её побрал, всё не показывается на площади. Слепень мыс-

ленно заглянул в себя — внутри было пусто и звонко, как в остывшей домне. Лицо утратило черты Беллини, стало неподвижным, неживым.

Мир исчез. Кабинет, портрет, лицо старика — всё предстало в каком-то ином свете. Осталась только правая рука. Она лежала на колене, расслабленная, почти невесомая, рядом с дурацким кожаным чемоданчиком для красок. Слепень смотрел на пальцы, как смотрят на паука, что заполз на ковёр. Они скользнули в чемодан — и наткнулись на холод металла.

В хрустальном графине на столе, в трёх шагах от кресла, плескалась вода. Арсентьев потянулся к нему в странной надежде защититься. Вода качнулась, и в блестящей, искажённой выпуклости отразилось его лицо — перекошенное, с открытым ртом, готовым исторгнуть крик.

В отражении взметнулась тень ряженого Беллини — размашистая, тёмная, как взмах крыла. Рука с зажатым в кулаке кастетом, холодным и тяжёлым, накрыла голову старика. Графин качнулся, опрокинулся, и вода хлынула на сукно стола, смешиваясь с чернилами, превращая документы в комок мокрой бумаги. Хрусталь звякнул о паркет. По полу разлетелись осколки. В мутном, взбаламученном отражении лужи на столешнице, среди хаоса, возникла новая картина: спина, склоненная над портретом, и руки, которые уже не сжимали кастет. Они разбирали мольберт. Беллини — или то, что от него осталось в этом отражении, — не смотрел на

труп. Он уже был занят другим.

Костяшки пальцев хрустели, когда он развинчивал полые трубки мольберта. Из них поочередно появлялись: приклад, ложе, затвор, телескопический прицел. Винтовка собиралась в его руках. Он вкручивал ствол, прилаживал приклад, примерял резьбу спускового механизма.

Ноги в чужой обуви уже несли его к окну, за которым на пустой площади должен был взметнуться столб пыли. И вдруг, в тот самый миг, когда он поднимал оружие к плечу, ему почудилось, что дверь кабинета отворяется. Сердце, только что бывшее ледышкой, ударило в рёбра. Секретарь? Охрана? Чёрт, возможно ли, что к этому сморчку кто-то сунется без доклада?

Слепень повернулся. Рванул из кармана «Кольт», готовясь встретить вошедшего. Ничего. Показалось.

В ушах звенело, на лбу выступила ледяная испарина. Слепень подхватил с подоконника винтовку. Скрипнули створки окна.

На площади, которую не видно ни с одной другой точки города, кроме как из кабинета Арсентьева, показалась лакированная коляска. Он вскинул оружие к плечу, прицелился. Лёгкие вобрали уличный воздух.

— По дороге серой, скучной тройка борзая бежит…

В круглом стекле прицела мир сузился до лысины пассажира и пульсирующей на виске жилки. Дьявольский союз оптики и механики, доступный разве что королевскому арсе-

налу, давал Слепню право играть в демона. Член парламента в карете даже не был целью — он превратился в насекомое, распластанное на альбоме коллекционера, которое с расстояния в триста ярдов вот-вот пришпилит свинцовая игла.

Он выстрелил. И не стал смотреть, куда попал. Зачем? Окно кареты превратилось в лопнувшую банку с малиновым джемом.

Слепень опустил винтовку. Захлопнул створку и, перешагивая через осколки хрусталя, вернулся к столу. Усадил Арсентьева так, что от входа могло показаться, будто старик сомлел над счётами. Прежде чем выйти в приёмную, задержался у двери. Послушал, поглядел в щель.

Секретарь если и был насторожен, то виду не подал. Безупречность английского клерка спасла ему жизнь. Рука с кастетом легла за спину, на лице заиграла улыбка:

— Синьор просил не беспокоить.

Радуясь, что можно более не изображать идиота Беллини, Слепень шагнул в лондонский смог и смешался с толпой.

Полисмен на перекрёстке повернул голову. Он, безусловно, встревожен выстрелом. Но карета с покойником осталась с той стороны мануфактуры…

Слепень шёл дальше, чувствуя, как под сюртуком остывает ствол разобранной винтовки. Как всегда после успешной акции, он испытывал чувство выполненного долга. Но не радости. Её он не знал с тех пор, как покинул Россию. С тех пор, как перестал откликаться на имя Ивана Карловича

Фалька.

Он выжил и скоро получит гонорар. И этого, пожалуй, довольно.

Глава третья

FIVE O'CLOCK

Фальк сидел у окна паба и пил пиво. Запах жареного лука из кухни, смешанный с речной сыростью, успокаивал. Он не чувствовал ни уколов совести, ни веса револьвера в кобуре под сюртуком.

«Ты устал, — сказал кто-то внутри. — Просто выпей. Не смотри на неё. Стоит задержать взгляд — и уже не оторвать».

Незнакомка сделала заказ, выслушала комплимент от трактирщика и рассмеялась. Негромко, прикрывая рот ладонью. Простой, человеческий жест.

Фальк смотрел на неё и не мог отвести взгляд. В детстве он драл кору в усадебном парке и собирал смолу. Нянька хлопала по рукам: «Иван, оставь, пристанет — не отмоешь». Приставало. Каждый раз.

Отвернулся, вздохнул. Кружка поднялась к лицу. Смешно. Убил человека, который писал фрески для церквей. Проломил череп старому промышленнику, застрелил политика. И теперь подумывает, не представиться ли девушке, которую видит в этом пабе каждый четверг.

Пиво было холодным, горьким. Он сделал глоток, потом второй. Третий — медленно, растягивая. Это был его ритуал. Никакой спешки.

Хозяин принёс девушке бифштекс, поставил на стол миску с хлебом, стаканчик пунша. Она сидела за столиком у противоположной стены. Лицо в полупрофиле. Русые волосы выбивались из причёски.

Фальк следил за её пальцами — не за тем, как она держит вилку, а за перстнем на безымянном. Она машинально крутила его, не замечая.

За спиной, над камином, тикали часы. Фальк слышал их даже сквозь шум улицы и звон посуды.

Он обхватил кружку за ободок — не за ручку, как местные, — поднёс к губам. Сделав ещё глоток, поглядел на пустой стул.

Если Гринуэй не явится через пять минут, нужно вставать и уходить.

— Не прикажете ещё эля, сэр? — хозяин вырос за спиной.

— Нет. Довольно.

— Может, чаю? Свежий «Эрл Грей», с настоящим сахаром. На дворе сырость. Простуда — не шутка, сэр.

Фальк не ответил.

— Я жду человека, — сказал он.

В голосе прозвучало что-то, от чего хозяин отступил.

— Как скажете.

Фальк прикрыл веки. Похоже, это единственный способ

не смотреть на девушку.

Через миг услышал знакомые шаги. Открыл глаза. Томас Гринуэй шёл через зал, не снимая перчаток.

Задернув занавеску, мужчина сел напротив. От него пахло дорогим табаком. У ног в резиновых калошах замер кожаный портфель, поперёк колен вытянулась трость с серебряным набалдашником.

— Слепень, — сказал он, поправляя манжету. Медленно, тщательно, так, чтобы белая ткань выглядывала из-под рукава ровно на полдюйма.

Фальк не ответил. Ждал.

Гринуэй тоже выдержал паузу. Достаточно долгую, чтобы тиканье часов за спиной стало невыносимым. Потом полез в жилет. Достал табакерку, вытряхнул на ладонь две белые горошины, отправил в рот. Проглотил, не запивая. Поморщился.

— Сердце, — улыбнулся, будто извиняясь. — Врачи говорят, возраст.

Фальк молчал.

Гринуэй убрал табакерку и заговорил — ровно, негромко.

— Та девушка. У стены. Красивая, не так ли? Я стоял снаружи, наблюдал. Вы не спускали с неё глаз.

— Вы платите мне не за разговоры о дамах.

— Сегодня эта дама и есть работа, — Гринуэй сверкнул глазами. — Думаете, я зря назначаю вам встречу именно здесь? Третий месяц кряду. Каждый четверг. В один и тот

же час.

Трактирщик за стойкой натирал стакан. Покосившись на него, Гринуэй продолжил:

— Она член боевой дружины. Из России. Через неё выйдете на того, кто нам нужен. Мёртвым.

— Нам?

— Мне и… человеку, который за мной стоит. Слишком публичная особа, чтобы действовать открыто.

— Кто он?

— Вы раньше не спрашивали.

— Кто?

— Читайте газеты, старина. А то живёте как в норе.

Фальк поставил кружку. Медленно. Пиво качнулось, лизнуло край стола. Он отметил, как мокрое кольцо расползается по дереву.

— Значит, мне предстоит внедриться, — сказал он. Не спросил. Констатировал.

— Внедриться.

— В подполье. К террористам.

— Да.

Фальк поднял глаза.

— Я так не работаю.

— Знаю, — Гринуэй опустил взгляд на трость. — Вы одиночка. Пришёл. Устранил. Ушёл. Никаких имён. Никаких лиц.

— Верно.

— А теперь придётся. Иначе к цели не подобраться.

Часы за спиной отбивали секунды. В камине потрескивали дрова.

— Вы просите меня стать одним из них, — сказал Фальк наконец. — Жить с ними. Есть с ними. Спать рядом.

— Да.

— Я убийца, Томас. Не актёр.

— Вы — слепень, — Гринуэй поправил манжету. — Поэтому я вас и выбрал. Не волнуйтесь, способ внедрения уже продуман. До мелочей.

Фальк усмехнулся. Одними губами. Криво.

— Повторяю, я работаю один.

— Разве? — Гринуэй наклонил голову. — Кто дал вам информацию, где и когда можно достать карету нашего с вами ястреба из парламента? А главное, из какого окна в неё удобнее целиться? Так что не перечьте, старина. У вас есть команда. А нет, так считайте, что покровитель. Могущественный друг.

Фальк откинулся на спинку стула. Дерево скрипнуло.

— Ещё скажите — хозяин, — буркнул он.

— Можно и так, коль хотите. Вопрос интерпретации.

— У меня нет хозяев.

— Кроме денег, полагаю?

Фальк посмотрел на него. Впервые за вечер — с интересом. Как смотрят на замок, к которому вдруг подошёл ключ.

— Вы философ, Гринуэй.

— Я посредник. Философия — не по моей части.

— Тогда говорите прямо. Что я должен сделать?

— Войти к ним. Стать своим. Ждать. Когда придёт время — выполнить заказ. Получить гонорар.

На лице Фалька вновь скользнула ухмылка:

— Как в прошлый раз?

— Забудьте, — поморщился Гринуэй. — Я же вам говорил, что вексель Портсмутского банка…

Фальк прервал его жестом. Отпил пива.

— Ближе к делу. Откуда вы знали, что я обращу внимание на эту девушку?

— Это и было частью плана.

— Плана?

— Того, в котором она вас запомнит. И доверится. Без этого внедрение невозможно.

Фальк молча смотрел на конверт, который Гринуэй уже вынул из портфеля — серый, пухлый, с казённым сургучом.

— Она знает, кто вы, Томас?

— Нет. Только то, что я здесь бываю. Третий месяц. Так же, как и вы. Привыкла к нашим лицам. Впрочем, в данных обстоятельствах значение имеет только ваше.

— Хм…

— Вы станете тем, кто её спасёт. Но это — потом. Сначала — согласие.

Гринуэй подтолкнул конверт. Плотная бумага скользнула по столу.

Фальк не взял.

— А если откажусь?

— Вздор. Мне некогда искать другого. И ждать, пока девушка запомнит его.

— Вот именно.

— Хорошо. Гонорар будет удвоен. Довольны?

Тишина.

Фальк посмотрел на конверт. Потом — на девушку. Она ела бифштекс, не подозревая, что её только что продали. Перстень на пальце тускло блеснул в свете лампы.

Фальк взял деньги, не глядя, сунул во внутренний карман. Поднялся.

— Ещё раз сделаете меня частью плана, — сказал он ровно, без угрозы, — и я… начну читать газеты.

— Резонно, — Гринуэй кивнул и как ни в чём не бывало улыбнулся. — Подробности обсудим на улице. Прогуляемся?

Фальк не ответил. Кивнул — себе, не Гринуэю. И шагнул к выходу. У двери обернулся. Девушка проводила его коротким, рассеянным взглядом. Прядь снова упала на лицо.

Он толкнул дверь. На плечи опустилась мелкая водянистая крупа. Фальк поднял воротник. Постоял. Пошёл.

Все здесь не так, как дома. Даже дождь не может пробрать до костей — но он знал, что холод придёт позже. Когда он вспомнит её взгляд.

Глава четвёртая

ВИЛЬГЕЛЬМ ТЕЛЛЬ

Три года назад…

Фальк не помнил спектакля.

Какой-то Шекспир — или то, что в Англии выдают за Шекспира, когда хотят продать билеты по полкроны. Тёмный зал, духота, шелест юбок. Он сидел в четвёртом ряду не потому, что оттуда лучше видно сцену, а потому что человек, за которым он пришёл, был в третьем. Сутулый, в серой визитке, с тонкой шеей. Он был уже мёртв, но ещё не знал об этом. Теперь подождать до конца действия, подойти в переулке, сделать то, что должен, и уйти. Рутинный вечер.

Конец первого акта. Антракт. Почему бы перед акцией не пропустить стаканчик?

А ещё в буфете можно взять сэндвичей — после придётся два-три дня сидеть в карантине. Надо что-то есть.

Он снимал дом на Грейс-Инн-роуд. Две комнаты, тишина, холодный камин, который не топили с ноября. Пустое и неуютное жилище. У Фалька не было даже вещей. Лишь

два костюма, револьвер, коробка с патронами и новый роман Чарльза Диккенса. Больше — ничего.

Буфет на Стрэнде был таким, какой полагается театру: тёмное дерево, подсвечники, запах пива и свечного жира. Публика — жидкая. Два критика с красными носами, старая актриса в шали, кассир с дочерью. Девочка лет двенадцати ела пирожное и глядела по сторонам с тем спокойным отчаянием, что бывает у детей, когда их тащат туда, где скучно. Фальк привычно сел у стены. Лицом к двери.

Перед ним поставили стакан.

У стойки сидел мужчина.

Не молодой, не старый. Лет сорока пяти, может, больше. Руки — крупные, с мозолями на костяшках, с тёмными полосками на указательных пальцах. Порох. Фальк знал эти полоски. Они не отмывались.

Одет просто, но чисто. Потёртый на локтях пиджак. Ботинки — старые, но ухоженные. Трубка в зубах.

Он повернулся к Фальку.

— Тоже предпочитаете баварское?

Фальк не повернул головы.

— Не ожидал встретить его в меню.

— Понимаю, — мужчина кивнул, будто получил ожидаемый ответ. — Однако смею вас заверить, здесь его варят так, будто пытаются что-то доказать всем этим чёртовым пабам.

За стеной грянули аплодисменты. Начался второй акт. Ни один из посетителей буфета не тронулся с места.

— Вы здесь работаете. Не так ли?

Фальк повернулся.

— С чего вы взяли?

— На это следует отвечать?

Фальк чуть сощурился. Попался — на мелочи, на пустяке. Человек у стойки заметил то, что не замечал никто.

— Может, я жду кого-то.

— Может. Только ждут обычно, поглядывая в брегет.

Фальк усмехнулся.

— Вы тоже здесь не из-за спектакля.

— Из-за вот этого, — он щелкнул ногтем по бокалу с пивом. — Говорю же, отменный сорт. Часто здесь бываю.

— Вы из театра?

Мужчина вынул трубку изо рта.

— Из цирка. Тут напротив. Это не одно и то же, хотя публика не видит разницы. В театре все притворяются. В цирке — нет. Там рискуют по-настоящему.

— И чем рискуете вы?

— Жизнью. Правда, в основном чужой.

Хмыкнув, мужчина взял со стойки канделябр — и по буфету поплыл сладковатый, вишнёвый дым. Фальк видел, как он прессует табак большим пальцем, как подносит огонь — не торопясь, с тем спокойствием, которое бывает у людей, обращающихся с огнём и порохом каждый день.

— Я стреляю, — процедил незнакомец, словно в подтверждение догадки. — Из новёхонького «Адамса». Столбы, ша-

ры, тарелки в воздухе. Иногда — рикошет. Пуля в стойку — и уходит в мишень под углом.

— Угол отражения не равен углу падения, — кивнул Фальк, — если материал мишени имеет внутреннюю деформацию. У «Адамса» рамка прочнее, чем у «Кольта». Самое оно для ваших целей.

Тишина.

Она упала, как занавес. Буфетчик больше не тёр стойку. Критики прекратили бубнить. Даже девочка с пирожным подняла голову — хотя не могла слышать, просто почувствовала, как взрослые замерли.

Мужчина перестал курить. Трубка повисла в воздухе.

— Прошу прощения, сэр?

Фальк молчал. Да что с ним сегодня!

— Вы только что описали рикошет по свинцу через плотность среды, — медленно произнёс мужчина. — Это не зрительская реплика. Это…

Он не договорил.

— Просто физика, — Фальк постарался придать улыбке видимость искренности.

— Нет. — Мужчина покачал головой. — Вы это сказали так, будто держали пулям счёт.

Фальк нахмурился. Его собеседник — тоже.

Буфетчик кашлянул, отвернулся. Критики заспорили о погоде. Мир вновь зашевелился.

— Эд, — сказал мужчина.

Фальк поднял бровь.

— Меня зовут Эд. — в воздухе застыла мозолистая ладонь. — Эдвард Кроу. Можно просто Кроу.

Фальк посмотрел на руку. Рукопожатие — это контакт. Контакт влечет обмен именами. Имя — ниточка. Ниточка — клубок. Он знал эти правила, как Отче Наш.

Поколебавшись, ответил на рукопожатие. Коротко, плотно.

Кроу кивнул — будто и не надеялся на ответную аттестацию.

— У меня один и тот же номер, — сказал он не торопясь. — Уже шесть лет. Я выхожу, стреляю, ухожу.

Он затянулся. Выпустил дым — тонкой струйкой к потолку.

— И знаете, что самое странное?

— Что?

— Мне не с кем поговорить об этом. Жена ушла. Сказала — «ты разговариваешь с пистолетом, вот с ним и живи». Дочь — не пишет. Товарищей нет. Цирковые — хорошие люди, но они видят фокус. А вы… знаете толк в стрельбе.

Фальк напрягся.

— Это не повод сводить знакомство.

— Нет, — согласился Кроу. Спокойно, без обиды. — Но это повод для спора.

Он залез во внутренний карман пиджака — медленно, чтобы Фальк не дёрнулся. Вынул ключ. Тяжёлый, латунный,

на витом кольце. Положил на стойку.

— Как насчёт пари, старина? Три вечера. Вы — на арене. Я — с револьвером. Вы в маске, на голове — яблоко. Я стреляю. Если дёрнетесь или не придёте на шоу — проиграли.

— А если промахнётесь?

Кроу зашёлся в горьком смехе, засаленный рукав утёр слёзы.

— Ну, тогда я не достоин зваться порядочным стрелком.

— Вильгельм Телль, — вздохнул Фальк.

— Что?

— Ничего. Какова ставка?

— Домик. — Кроу тронул ключ пальцем. — На побережье. Саутгемптон. Море, вереск, чайки. Моя недвижимость — по праву, высудил у бывшей жены. Будет вашей.

Фальк поднял брови.

— Зачем вам это?

Подбородок Кроу едва заметно дрогнул. Его серые, спокойные глаза враз погасли.

— Потому что я хочу знать, что есть человек, который стоял под дулом — и не дрогнул. Не потому, что смелый. А потому что знает, что я не промажу. Это… не про яблоко. Это про доверие. Дорогой каприз для одинокого старика.

Критики заказали ещё пива. Актриса сомлела за столом, водрузив голову на руку. Кассир с дочерью ушли — девочка оглянулась на пороге.

Фальк взял ключ. Латунь была тёплой.

— Три вечера?

— Три вечера. Первый сеанс послезавтра. Маску принесу сам. Яблоко — с вас. Советую взять покрупнее.

— Почему маска? — Фальк не улыбнулся шутке.

Кроу снова поднял трубку. Затянулся.

— Потому что, если что-то пойдёт не так — мне легче смотреть в бархат, чем в лицо.

— До послезавтра, — сказал Фальк и встал.

— Сэр…

Фальк медленно покачал головой. Уголки губ снова раздвинулись в подобии улыбки.

Кроу махнул рукой, разгоняя облачко вишнёвого дыма.

— Ладно. Без имён, так без имён. Так даже лучше.

Фальк вышел. Стрэнд был мокрый, тёмный, шумный — кэбы, фонари, крики разносчиков. Он шёл и чувствовал меж пальцами тяжесть кастета.

Где-то к югу — в одном из переулков Уайтчепела — Эдвард Кроу шёл домой и впервые за шесть лет думал не о револьвере.

А Фальк стоял в тёмной подворотне, ждал жертву и свободной рукой держал в кармане латунный ключ. В виске железнодорожным колесом выстукивала мысль: «Зачем мне это?»

Глава пятая

ДОХЛЫЙ НОМЕР

Настоящее время (1853)

Утром они вновь встретились с Гринуэем. Утрясли последние детали, ударили по рукам.

Завтра четверг. Вечером Фальк придёт в паб, где, как всегда, будет девушка из русского подполья. Случится налёт. Полицейские — ряженые. Фальк бросится на защиту соотечественницы и получит пулю.

— Рана должна быть настоящей, — сказал он Гринуэю, и тот побледнел. Не от жалости — от бухгалтерского ужаса: повреждённый инструмент есть убыток.

— Это обязательно?

— Иначе не поверят. Не волнуйтесь, Томас, ничего опасного. Чиркнуть по уху — крови будет хоть залейся, а по сути, царапина. Я показал вашему сержанту, как и куда стрелять. Гарри, кажется?

— Гарри.

— Нормальный парень. У него рука точная.

Гринуэй смотрел на Слепня, как смотрят на человека, который собирается лечь под нож гильотины ради партии в шахматы.

— Но… зачем вам это?

— Сказал же. Для достоверности.

Гринуэй покачал головой. Фальк коротко поклонился.

После встречи он пообедал в траттории на Брик-Лейн — спагетти, чиабатта. Хозяин, неаполитанец с руками мясника, кивнул как постоянному гостю. Фальк убил итальянского художника всего неделю назад, а теперь преспокойно ел у его соотечественника. Профессиональная деформация. А может, просто голод.

Потом долго бродил по Ист-Энду. Разглядывал экипажи, случайных прохожих.

Завтра в него будут стрелять. Сегодня, к слову сказать, тоже. Два вечера подряд: сперва в яблоко на голове, затем в ухо. Ничего. Пуля, летящая в твою сторону, — ещё не повод для волнения. Гораздо хуже, когда она летит не туда, куда ты рассчитал.

***

К цирку он подошёл за полчаса до начала. Как всегда. Три шоу обернулись тремя годами. К немалому удивлению Фалька и самого Кроу, пари превратилось в нечто большее.

Не в дружбу, конечно. Однако надо же время от времени с кем-то говорить. Особенно когда живёшь на чужбине.

Поначалу шоу пользовалось оглушительным успехом, затем, как свойственно всякому развлечению, приелось. Импресарио Эда предлагал внести изменения, усложнить выстрел или что-то поменять. Но всё оставалось как есть. Тот же номер, тот же цирк.

Это было серое здание на задворках Уайтчепела — доски, просмолённый брезент, афиши. Да ещё запах навоза, перебиваемый печёными яблоками и орехами. Вывеска, который год, обещала «Величайшее Зрелище Восточного Лондона». Буква «З» отклеилась и висела на честном слове.

Фальк вошёл через служебный ход. Миновал коридор и толкнул третью дверь слева. Гримёрка Кроу.

Покрутил головой. Хозяина нет.

Трубка в пепельнице ещё дымила. Тонкая струйка тянулась к потолку. Дешёвый вишнёвый табак.

Эд всегда курил перед выходом. Но трубку не бросал. Гасил, укладывал в футляр. Аккуратный человек. Методичный. Иным работа с оружием противопоказана. Фальк знал это по себе.

Сейчас всё было не так. Стул отодвинут чуть дальше, пиджак на спинке висит не под тем углом. Ящик с реквизитом приоткрыт, из него торчит галстук.

Фальк прислушался. Без толку. Мешает шум толпы.

Рука привычно скользнула в сюртук. Карман, стилет, знакомые желобки. Он не потянулся к кобуре. В тесноте револьвер — обуза: пока развернёшься, получишь нож под

рёбра. Как говорил Александр Христофорович Бенкендорф: «Тридцать три раза помрёшь, да так и не слобастишь отчего».

— Леди и джентльмены! — голос конферансье громыхал на арене. — Встречайте! Мастер Кроу и его ассистент с номером «Вильгельм Телль»!

Что ж, пора.

Маска лежала на столе. Чёрный бархат, прорези для глаз. Пожав плечами, Фальк нацепил её. Была не была. Мир сузился, как в прицельной трубке.

Вперёд. Маэстро ждёт. Публика затаила дыхание.

Фальк знал, это затишье перед бурей. Сначала тот, кто держит оружие, и тот, кто стоит под прицелом, одинаково неподвижны. Между ними — лишь воздух, металл и судьба, причём последняя в этой тройке — самый ненадёжный элемент. Затем следует едва заметное движение пальца. Грохот выстрела. И тут же — овации.

Встав в центр арены, он привычным движением поставил яблоко на голову. Огромное, красное. Знаменитый Норфолк Рояль.

Где, чёрт возьми, Эд?

С противоположной стороны вынырнула фигура.

Костюм, плащ, цилиндр. И — маска. Сегодня Кроу отчего-то тоже в маске.

За всё это время — ни разу. Лицо всегда открытое, спокойное, чуть насмешливое. Он выходил к публике как хозя-

ин, а не как клоун. «Если что-то пойдёт не так — мне легче смотреть в бархат, чем в лицо». Но маску надевал Фальк. Не Эдвард Кроу.

Что-то не так.

Фальк сделал то, что делал всякий раз. Нарочно изменил угол яблока — сдвинул на полдюйма влево, наклонил так, что плод балансировал на грани. Это была их молчаливая проверка. Кроу всегда поправлял, не стрелял, пока яблоко не стояло идеально. Но сейчас ничего не произошло.

Человек в маске поднял револьвер. Без задержки. Без поправки. Будто угол не имел значения. Будто не имел значения Фальк.

Время остановилось. И он увидел всё: палец на спуске, дульный срез, тяжёлый барабан.

Не тот револьвер.

У Кроу был «Адамс» — изящный, точный, с характерным щелчком барабана. Это — «Уэбли». Тяжелее. Калибр больше. Пуля — не вишнёвая косточка, бьющая по яблоку, а свинцовый ломоть, что снесёт полголовы вместе с плодом.

Фальк уклонился.

Не упал, не кинулся прочь — сместился, как смещаются в его ремесле. Едва заметно, на вершок, ровно настолько, чтобы пуля прошла мимо. Грохот. Публика заволновалась — сперва от восторга, затем от удивления. Стрелок в маске побежал.

Фальк единым прыжком перемахнул через барьер.

Человек бежал к служебному выходу. Быстро. Не по-стариковски.

Фальк не отставал. Кобура с револьвером стучала по спине, но доставать его не было смысла. Улица полна людей. И потом, это лишняя пара секунд. Собьётся дыхание, и беглец уйдёт.

Фигура нырнула в переулок. Фальк — следом. Пусто. Тупик. Кирпичная, мокрая от дождя, стена. Окно на втором этаже открыто. Ставни качаются на сломанных шарнирах.

Упустил.

Сорвав маску, он какое-то время постоял. Дыхание ровное. Сердце билось не от бега, а от ледяной ярости. Его чуть не убили, и он понятия не имел кто.

Дьявол! Непривычно находиться по эту сторону баррикад.

***

Фальк вернулся к цирку.

Трубка остыла, вишнёвый дым рассеялся. Он плотно закрыл дверь. Теперь в гримёрке не было и намёка на сквозняк. В нос ударил запах дорогих духов — тяжёлых, тягучих, с горькой нотой амбры. Не тех, что мог позволить себе цирковой стрелок из Уайтчепела. Такие стоят больше, чем всё, что есть в этой комнате.

Эд, старина, где ты?

Фальк нашёл его в сундуке. Тело покоилось под плащами

и бутафорскими доспехами.

Кроу лежал на спине. Лицо спокойное. Не искажено, не изуродовано. Две точки на груди, чуть левее центра. Кровь испачкала рубашку, сундук впитал её, как губка.

Два отверстия. Треугольное сечение клинка.

Стилет. Ювелирно. Не спор, не драка. Работа. Два ножевых в сердце — это не ярость, а наука. Один удар — риск. Два — гарантия. Аккуратный человек убил аккуратного человека.

Кто-то пришёл раньше. Без лишней суеты убрал Кроу. Переоделся. Надел маску. Вышел на арену. Ждал появления настоящей цели.

Тронув мертвеца за плечо, Фальк закрыл сундук. Пора. Скоро представление закончится и маэстро хватятся.

Выйдя из цирка, он поднял воротник и быстро зашагал прочь.

Глава шестая

БОЙ С ТЕНЬЮ

Луч солнца играл на потолке, полз — медленно, неотвратимо, как процент по векселю. Фальк лежал на спине и считал крашеные доски. Двенадцать. Тринадцать.

Доски кончились. Мысли — нет.

Он сел. Затем встал.

Квартира на Грейс-Инн-роуд осталась в прошлом. Теперь — комната поменьше. Шкаф, стул, продавленная кровать. На ней плохо спится, но отменно думается. Иногда до рассвета, иногда — как сегодня — до того момента, когда лежать невмоготу.

Он мог бы жить в Саутгемптоне. Дом стоял пустой три года. Каменный, крепкий, с видом на море — тот, что Кроу высудил у бывшей жены. Фальк выиграл пари, получил дарственную и давным-давно мог переехать. Топить камин, пить чай в мансарде, смотреть на чаек. Однако решил: пока не бросит ремесло — не пускать корней. И уж тем более не заводить семьи.

Ремесло. Слово-костыль. Приятно звучит — будто ты са-

пожник или часовщик, а не убийца на жалованье. Фальк усмехнулся. Чёртово кокетство. Так недалеко и до «устранять», «ликвидировать», «решать вопрос».

Сегодня он не ел и не пил. Но и лежать больше не мог. Мысли барахтались, как крысы в затопленном подвале — захлёбывались, грызли друг друга. Ни одна не выплывала. Нужен толчок. Физический.

А что если прибегнуть к старому методу? Почему бы и нет.

Он научился ему ещё в России, в бытность агента Третьего отделения. В долгие периоды праздности, когда петербургская караульная скука едва не свела его в могилу. Бенкендорф однажды застал молодого сотрудника в казённой квартире за странным занятием: Фальк фехтовал со стулом.

На стуле покоилась ситцевая фуражка. Между спицами торчала шпага. Фальк, в сюртуке, с рапирой наперевес, наступал, отступал, бил — и бормотал. Граф постоял в дверях, затем сказал:

— Иван Карлыч, ежели это увидит государь, я не ручаюсь за вашу карьеру. Однако метод прелюбопытный.

С тех пор Фальк не расставался с привычкой. Когда разум заходит в тупик — фехтуй. Подстёгивай дедукцию. Удар — аргумент. Удар — аргумент. И так — пока стул не развалится или не придёт нужная идея. В России было легче: там всюду шпаги, рапиры, учителя. В Лондоне с этим туговато. Но кое-что нашлось.

На шкафу, за коробкой с патронами и романом Диккенса, лежал кавалерийский палаш. Тяжёлый, прямой, с медным эфесом. Шёл к офицерскому мундиру, который Фальк приобрёл год назад — мало ли пригодится. Мундир он так ни разу не доставал. Оружие — тоже. До сегодняшнего дня.

Не шпага. Не рапира. Палаш — грубее, тяжелее. Рубящий, не колющий. Но сойдёт. Стулу, небось, всё равно.

Он достал из шкафа цилиндр и тёмный плащ с пелериной. Вынес стул на середину комнаты. Деревянный, дубовый, с высокой резной спинкой. Набросил плащ — так, чтобы ткань легла на плечи, обрисовав подобие фигуры. Цилиндр водрузил сверху. В нижнюю часть спинки, меж двух деревянных рёбер, ввинтил кочергу. Железо тёрлось о дуб, скрипело, но держалось. Кочерга торчала под углом в сорок пять градусов.

Шагнул назад. Оценил.

Стул с плащом и цилиндром походил на человека — примерно так, как чучело на живую птицу. Довольно, чтобы бить. Довольно, чтобы думать.

Закатал рукава рубахи, ослабил тесёмки ворота. Палаш лёг в ладонь, как влитой. У основания клинка сверкнуло травление: «V.R. IX». Маркировка полка, подразделения — какая, к чёрту, разница.

Он встал в позицию. Левая рука отведена, правая — впереди. Ноги шире плеч. Палаш — не рапира, им работают от локтя, от плеча. И всё-таки — сойдёт.

Стул стоял посреди комнаты и, надо думать, ничего не по-

дозревал.

Удар — слева, по диагонали. Палаш врезался в кочергу. Железо звякнуло о сталь — глухо, некрасиво. Не звон клинков, а лязг кухонных приборов. Плащ качнулся. Цилиндр съехал на полдюйма.

— Гринуэй, — выдохнул Фальк.

Первая гипотеза. Самая очевидная. Гринуэй — заказчик. Знает расписание, знает квартиру, знает паб.

Стул стоял. Кочерга не двигалась.

Нет. Гринуэй — мерзавец, но не дурак. Убивать исполнителя, на которого делаешь ставку, — чушь. Ладно бы потом, когда дело сделано, конверт получен, отчёты подшиты. Но не до. Гринуэй знает: играть со Слепнем опасно. Не убьёшь сразу — пеняй на себя. Беги к нотариусу, пиши завещание. К тому же Томас не знал про цирк. Фальк не рассказывал. Мелочь, частная жизнь. В конце концов — форменное мальчишество.

Палаш описал дугу. Фальк отступил, отбрасывая гипотезу.

Цилиндр насмешливо блестел.

— Дуешься? — спросил Фальк у стула. — Ангард! К защите!

Стул, как ни странно, молчал.

Шаг назад, вес на правую ногу. Вжух! Резкий выпад, прямой укол в «грудь» — в спинку стула. Кочерга качнулась, едва не выпала. Фальк подхватил, ввинтил обратно.

— Неизвестное лицо.

Если не Гринуэй, то кто? Человек, который знает его жизнь. Знает о пари с циркачом. О маске. Кому это известно? Разве что самому Кроу.

Эд не умел молчать. Готов был без конца трепаться о вещах, которые его восхищали. А Фальк его восхищал. Ещё как. Человек, который стоит под дулом и не дёргается. Мог ли Кроу говорить о нём кому-то? Мог. Фальк так и видел седые усы, раздвинутые в хвастливой улыбке. Одинокое стариковское желание поделиться. Но с кем? Товарищей нет. Жена ушла. Дочь не пишет. Цирковые? Навряд ли — он их в грош не ставил.

Фальк рубанул — горизонтально, наотмашь. Кочерга мужественно приняла удар. Цилиндр слетел, покатился по полу.

— Взбодрился? — улыбнулся Фальк стулу. — Чего таращишься?

Стул без цилиндра выглядел потерянным.

Фальк поднял головной убор. Надел обратно.

Новое движение — не в лоб, а вкруговую, обходя безответного противника с правого фланга. Палаш описал восходящую дугу — снизу вверх, под «подбородок». Кочерга не успела. Удар пришёлся в спинку, в дуб. Хрустнула одна из спиц.

— Духи, — сказал Фальк.

Тяжёлые, тягучие, с горькой нотой амбры. Парфюмерная

вода за десять гиней.

Нет. С этой стороны не вытанцовывается. Что ещё известно о нападавшем?

Профессионал. Знает номер, знает где и когда. Умеет убивать без шума и пыли. А ещё — физически выносливее. Фальк утёр пот рукавом. Впервые возраст помешал ему догнать жертву.

На этот раз стул не молчал. Нижняя спица треснула — звук напомнил матерную ругань.

— Ага, — Фальк ткнул палашом в сторону противника. — Слабеешь?

Серия коротких рубящих — справа, слева, справа. Палаш бил по кочерге, по плащу, по спинке. Кочерга расшаталась. Плащ сполз с одного «плеча».

— Кто ты, чёрт бы тебя побрал! Ты убил Кроу…

Внутренний голос — а может, стул — гаденько промурлыкал:

— Признай — Кроу мёртв из-за тебя. Ты не убийца, ты — жертва. Всё, что произошло — целиком твоя ошибка. Ты завёл привычку, мой дорогой. Стал предсказуемым. И кто-то этим воспользовался.

— Заткнись, — гаркнул Фальк.

Плащ сполз окончательно. Стул стоял в цилиндре — жалкий, как аристократ без имения. Кочерга держалась на одной спице. Вторая треснула.

В висках шумно пульсировала кровь. Фальк отступил к

окну и вздрогнул от неожиданного крика.

Это на улице разорался молочник. Четверг — день доставки. Фермерская продукция, свежая, дорогая. Возит на телеге, шумит на всю округу, будто аукционист.

Сегодня Фальк не выйдет. Не купит молока.

За месяцы, проведённые здесь, у него появился ритуал. Кувшин себе — русское пристрастие к молоку не желало выветриваться. Другой — уличным котам. Они знали расписание лучше, чем он. Ждали у парадной, сидели рядком. Серый, рыжий, чёрный с белым пятном на лбу — «Толстой», как мысленно окрестил его Фальк, за сходство с портретом одного генерал-губернатора.

Сегодня извините, ребята. Без угощения.

Молочник постоял, покричал ещё, поглядел на окна — и покатил дальше. Коты, надо думать, обиделись.

Отдышавшись, Фальк вернулся к стулу.

Удар — тяжёлый, рубящий, сверху вниз. Он вложил в него плечо, вес, всё, что накопилось за день без еды и воды. Палаш врезался в кочергу. Железо вылетело из спиц, звякнуло о пол.

Тишина.

Фальк представил, как стул наклоняется вперёд — будто упирает руки в бока, если бы они у него были — и говорит: «Хватит, старина. Хочешь жить — сломай расписание. Сегодня же смени квартиру. Почему ты до сих пор этого не сделал? Стареешь. Убей привычку, пока она не убила тебя».

Фальк усмехнулся.

— Угрожаешь мне? Ты, дубина с термитами?

Он поднял палаш. Рипост и новый удар. Последний. Горизонтальный, наотмашь, с разворотом корпуса.

Клинок врезался туда, где стул был слабее всего. Трещина прошла сверху донизу. Спица лопнула. Потом — вторая, третья. Передние ножки подкосились. Цилиндр слетел, покатился, остановился у кровати. Плащ сполз на пол.

Стул стоял, накренившись. Разрушенный, но не упавший. Держался.

Фальк опустил палаш.

— Пшёл к чёрту.

Он сел на кровать. Руки дрожали. Не от усталости — от выброса адреналина.

Что в сухом остатке? За ним охотится молодой профессионал. Кроу мёртв.

Он не испытывал чувство вины — подобные сантименты изжиты ещё на Кавказе. Смерть опального поэта в сорок первом оставила в душе выжженную землю. Что-то отключилось — будто в механизме стёрлась деталь, отвечавшая за раскаяние.

Луч солнца достиг четырнадцатой доски. Седьмой час. Пора.

Фальк хрустнул шеей. Плечо ныло — отвыкшее от фехтования, недовольное.

Палаш перекочевал обратно на шкаф. Цилиндр — на пол-

ку. Фальк пинком отправил останки стула в угол.

Умылся ледяной водой из кувшина. Надел чистый сюртук, пристегнул кобуру. Револьвер привычно устроился за спиной. В ножнах испанская наваха, в кармане — кастет.

Целый арсенал. Хоть сейчас в бой.

Ножки стула окончательно подломились. Внутренний голос шепнул в спину: «Не мало ли оружия, приятель? В твоих-то обстоятельствах».

Глава седьмая

ГОРЕ ЛУКОВОЕ

Он вошёл в паб и заказал пиво.

Девушка была уже здесь. Тот же столик у стены. Тот же бифштекс. Если она из подполья — что делает тут по четвергам? Явка? Не похоже. Больше смахивает на желание отдохнуть и попробовать любимое блюдо. Человек, который каждую неделю ест одно и то же в одном и том же месте, — либо душевнобольной, либо конспиратор. Фальк пока не решил, с кем имеет дело и что хуже.

Хозяин принёс хлеб и стаканчик пунша. Она поблагодарила кивком. Тот же жест, что и неделю назад. Та же привычка. Теперь Фальк знал, как они бывают опасны.

Уселся за столик, стал пить пиво. Спокойно. Без спешки.

Он нарочно попросил Гринуэя не говорить, когда случится облава. Чтобы отреагировать как можно естественнее. Не сыграть, а прожить.

Пальцы вдруг закололо. Он сцепил их на кружке.

А что если, и правда, нагрянет полиция? Не ряженые, не люди Томаса — настоящие, с ордером, с констеблями, с ду-

бинками? Придётся положить всех. И уехать куда глаза глядят.

Нет. Сперва — найти убийцу Кроу.

В его ремесле нельзя такое спускать. И кодекс чести тут ни при чём. Фальк не верил в кодексы. Только в целесообразность. Не будет уважения — иссякнут заказы. А без маломальского капитала он не сможет купить даже кувшин молока. Чёрт! Губы Фалька раздвинулись в улыбке. Цепочка потерь, которая заканчивается на голодных котах. Смешно. Если бы не было так тошно.

Взгляд поверх кружки устремился на девушку. Она резала бифштекс — аккуратно, не торопясь, как человек, для которого еда не топливо, а ритуал. Бедняжка, не знает, что её ждёт.

А что ждёт его? Зачем он на это пошёл? Ведь нутром чует опасность. Как рыба, которая знает, что впереди крючок, и всё равно плывёт к червяку.

За спиной вновь вырос трактирщик:

— Не прикажете солёных крендельков, сэр? Новый рецепт…

Тут ввалилась полиция.

Бестолковые увальни. Трое. Дверь с ноги, крик, топот. Один — здоровенный, в форме констебля, которая сидела на нём как на пугале. Второй — в таком же наряде, только щуплый, с усами. Низкий и суетливый. Третий — сержант Гарри.

Из груди вырвался вздох облегчения.

Гарри. Смуглый, жилистый, с поросячьими глазками. Три дня назад Фальк учил его стрелять в кончик уха. Объяснял баллистику, рисовал траекторию. Гарри старательно кивал. Стрелять этот недоумок умел, Фальк в этом отлично убедился. «Только не дёрни, — погрозил он пальцем. — На полдюйма левее — и я глухой. На полдюйма ниже — и ты убийца». Ряженый сержант побледнел. Но снова кивнул и, надо отдать ему должное, попросил повторить инструкцию.

— Ни с места! — заорал здоровенный. — Всем оставаться на местах!

Трактирщик опрометью бросился к стойке. Два старика у камина уронили карты. Девушка у стены не вскочила, не ахнула. Медленно положила нож и вилку. Ровно. Параллельно. Как на параде.

Фальк ждал, когда ей начнут вязать руки. И тогда план вступит в действие.

Он и вступил. Только не его. Её.

Левой рукой — быстро, незаметно — девушка метнула нож. Не в здоровяка. Не в щуплого. В Гарри. Лезвие пригвоздило ладонь к столу — мимо которого парень имел несчастье проходить. Нож прочно вошёл в дерево. Гарри заорал. Фальк едва не последовал его примеру. Не от боли, от того, что сценарий пошёл прахом.

Ну и бросок! Точный. Левша. Или амбидекстр. Интересно. Но это потом.

Он огляделся.

Гарри пытается выстрелить. Рука прибита к столу, другая — хватает рукоять револьвера, дёргает. Кровь на скатерти.

Пора подниматься из-за стола.

К нему шагнул здоровяк — замахнулся дубинкой. Фальк ушёл вбок, перехватил запястье, дёрнул на себя. Тяжесть противника сделала за него работу: здоровяк пролетел мимо, врезался в щуплого. Оба рухнули.

Гарри наконец совладал с револьвером, швырнул его щуплому.

— Стреляй! Вон в того! Только ранить!

Щуплый вскинул оружие. Руки тряслись. Фальк увидел ствол — качающийся, непредсказуемый, — и понял: промажет. Обязательно промажет.

Пуля вошла в шею. Слева, ниже уха. Не чиркнула по краю — вошла. Горячо. Мокро.

Ой, дурак.

Не Гарри — он-то как раз ни при чём. Щуплый. Маленький усатый идиот, который не умеет стрелять и не знает, что такое «ранить».

Кровь хлынула на плечи, на грудь и спину. Фальк не упал. Не позволил себе. Ухватил лавку, махнул — здоровяк и щуплый вновь полетели на пол. На этот раз с хрустом и воем. Нечего было своевольничать.

Гарри стоял, прибитый к столу, и смотрел. Он не пытался освободиться. Понимал: лучше не лезть на рожон. Слава бо-

гу, хватило ума взять в зубы свисток и что есть мочи дунуть. Так поступили бы настоящие полицейские.

Фальк схватил девушку за руку. Она не сопротивлялась. Не вскрикнула. Не спросила «кто вы?». Встала и побежала с ним. Будто только этого и ждала.

Дверь. Улица. Туман.

Они бежали. Фальк зажал шею. Кровь сочилась меж пальцев, текла по запястью, капала на мостовую. Девушка взяла его под локоть. Не тащила — направляла. Лево, право, лево. Она знала переулки лучше, чем он.

Первая улица. Вторая. Третья.

Ноги стали ватными. Мир поплыл. Фонари размазались в жёлтые полосы. Свистки — где-то позади, далеко, ближе, снова далеко. Полиция. Настоящая? Ряженая?

Последнее, что он понимал: она ведёт его в подворотню. Тёмную, узкую, пахнущую углём и рыболовными сетями. Прочь от погони. Прочь от света.

Она прижала его к стене. Приложила ладонь к ране. Пальцы были тонкие, но жёсткие. Руки человека, который умеет метать ножи и не падает в обморок при виде крови.

Фальк хотел сказать заготовленную реплику, но земля вдруг повела себя по-свински. Завертелась под ногами и рванула в лицо.

Последнее, что услышал:

— Горе луковое.

По-русски.

Глава восьмая

ХУЖЕ ТАТАРИНА

Фальк очнулся на кровати.

За окном темно. Ночь… Какая по счёту?

Луна не увеличилась ни на волос. Значит, день тот же. Полярная звезда на северо-западе. Двенадцатый час, может — без четверти. Погрешность минут десять. С момента ранения миновало три часа. Для расчётов по звёздам, без секстанта и хронометра, лёжа на спине в чужой постели — не дурно.

Через приоткрытые ставни поют сверчки. Шелестит листва. Нет, не Лондон. Ни экипажей, ни фабричных гудков, ни пьяных воплей. С полумёртвым мужиком на плечах девчонке далеко не уйти. Значит, чтобы доставить его сюда, потребовался кэб. И сообщник.

Подушка пропиталась потом и кровью — стало быть, он лежит дольше, чем ехал. Ясно. Мы не в деревне, а в пригороде.

Память возвращалась рывками. Тряская езда. Озноб. Чужие руки под мышками и на щиколотках. Женщина держала

голову, мужчина — ноги. Запах кожаного сиденья, конский пот.

Фальк притронулся к шее.

Чёрт. В глазах плывёт. Но раз очнулся, значит поборемся. Теперь он не даст себе умереть.

Повернул голову. Комната маленькая, с низким потолком. Камин, китайская ширма. Выцветшие обои в хризантемах. Дверь приоткрыта, оттуда льётся полоска света. Жёлтая, ровная. Масляная лампа, не свечи. Кто-то подошёл к проёму, полоска дёрнулась и потемнела. Тень. Движение. Голоса.

Мужской и женский.

Говорят по-русски. На «вы».

Фальк дернул уголком губ. Скажите, какие церемонии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.